
ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316(075.8)

ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Д. В. ИВАНОВ¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7/9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Представлен новый подход к измерению уровня развития для обществ в условиях постглобализации, когда глобализующие жизнь структуры – сети и потоки – парадоксальным образом локализованы в суперурбанизированных центрах. В мегаполисах жизнь людей по-настоящему глобальна – транснациональна, мультикультуральна и мобильна. Суперурбанизированные анклавы глобальности притягивают и генерируют материальные, символические и человеческие потоки, и потому социальная жизнь в них сверхнасыщенная, принимающая форму дополненной современности, контрастирующей с состоянием истощенной современности в малых городах и селах. Перспективы социального развития теперь зависят от числа, размеров и влияния космополитичных мегаполисов.

Ключевые слова: социальное развитие; постглобализация; дополненная современность.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 18-18-00132).

POST-GLOBALIZATION AND PROSPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT

D. V. IVANOV^a

^aSaint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia

The article presents a new approach to measure level of social development for societies facing the post-globalization as globalizing networks and flows paradoxically are localized in super-urban areas where people experience borderless, multicultural, and mobile social life in the regime of augmented modernity. In the post-globalization age, the 'core' of

Образец цитирования:

Иванов ДВ. Постглобализация и перспективы социального развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;4:14–20.

For citation:

Ivanov DV. Post-globalization and prospects of social development. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;4:14–20. Russian.

Автор:

Дмитрий Владиславович Иванов – доктор социологических наук; профессор кафедры теории и истории социологии факультета социологии.

Author:

Dmitry V. Ivanov, doctor of sociology; professor at the department of theory and history of sociology, faculty of sociology.
dvi1967@gmail.com

socioeconomic order is dispersed into networks of enclaves of augmented modernity contrasting with exhausted modernity outside them. The nations' prospects of social development depend on number, size, and influence of cosmopolitan super-urban areas attracting and generating transnational material, human, and symbolic flows.

Keywords: social development; post-globalization; augmented modernity.

Acknowledgements. The article is a result of the research supported by Russian Science Foundation (project No. 18-18-00132).

Новейшим вызовом для социальных наук и социальной политики стал парадокс перехода глобализации в постглобализацию. Проблемы социального развития в контексте анализа глобализации и ее последствий представляются в терминах разрыва по среднему душевому ВВП, или по уровню жизни, между странами «ядра» и «периферии» и «полупериферии» мировой экономической системы [1], или между группами стран, обозначаемыми как «глобальный Север» и «глобальный Юг» [2]. Подобного рода модели разрыва на уровне национальных экономик нужно кардинально пересматривать, поскольку новые социально-экономические различия далеко не всегда проходят по привычным национальным границам, а богатство и власть все больше концентрируются в сетях, образуемых мегаполисами и транснациональными потоками ресурсов, циркулирующими между этими «командными центрами» современной экономики [3; 4].

Развитие мегаполисов в особый социоструктурный и социокультурный феномен можно назвать суперурбанизацией, чтобы отличать этот процесс, являющийся компонентом глобализации и ее перехода в постглобализацию, от урбанизации двух прошлых столетий, которая была одним из ключевых компонентов модернизации. Мир перешел из фазы просто урбанизации в фазу суперурбанизации приблизительно в 2010 г., когда численность горожан превысила 50 % мирового населения. Согласно Докладу ООН об урбанизации, в 1950 г. в мире насчитывалось всего 6 городов с населением свыше 5 млн человек, в 2010 г. число таких городов выросло до 60, а к 2014 г. – до 71 [5]. В этом суперурбанизированном мире траектории социального развития следует рассматривать не только в контексте различий между городскими и сельскими сообществами / условиями жизни, но также и в контексте растущих различий между суперурбанизированными территориями и остальными территориями и сообществами, как городскими, так и сельскими. По данным исследования Брукингского института, в 300 крупнейших городах проживает лишь 20 % населения планеты, но при этом производится около 50 % мирового ВВП [6; 7]. Другое исследование, проведенное под эгидой консалтинговой компании McKinsey, дало сходные результаты: 600 крупнейших городских экономик концентрируют в себе 22 % мирового населения и обеспечивают более 50 % мирового ВВП [8]. Суперурбанизированные территории по показателям производительности

в подавляющем большинстве случаев существенно опережают национальные экономики, частью которых являются. И тем самым суперурбанизация открывает новое измерение неравенства – разрыв между суперурбанизированными точками доступа к ресурсам, где шансы на благополучную жизнь выше, и окружающими территориями, где сети социально-экономических связей и потоки ресурсов не образуют таких плотных, насыщенных структур или вовсе отсутствуют.

Контраст между высоким и низким уровнем социального развития теперь не может быть идентифицирован лишь как разделение «глобальный Север / глобальный Юг». Внутри самого «глобального Севера» обозначился резкий социальный разрыв, нашедший идеологическое и политическое выражение в 2016 г. в голосовании в Великобритании по вопросу выхода из Евросоюза (*Brexit*) и в победных для Д. Трампа президентских выборах в США. Статистика голосования в обоих случаях четко указывает на то, что избиратели в маленьких городах и сельской местности, менее вовлеченные в транснациональные сетевые и потоковые структуры, чаще голосовали против той неолиберальной и глобалистской политической повестки, которую с энтузиазмом поддерживают жители суперурбанизированных центров. Этнотерриториальный состав, образ жизни, ценностные ориентации жителей Лондона мотивировали их в большинстве случаев голосовать против выхода из ЕС так же, как и жителей Нью-Йорка и Лос-Анджелеса – против Трампа. Крупные города (с населением в 5–10 млн человек) и мегагорода (свыше 10 млн жителей) оказались более космополитичными и либеральными, чем консервативное большинство нации, рассеянное по множеству «захудалых местечек». Апелляции к «национальным интересам» в противовес глобализации консолидировали практически половину избирателей, и социокультурный контраст между очагами глобализации и окружающей их нацией, живущей по нормам уже ушедшей индустриализации и модернизации, превратился в политическое противостояние равновеликих сил. Эффекты Брексита и Трампа показали, что суперурбанизированные территории не только экономически живут в своем особом мире, но и социокультурно и политически отделяются от той социальной реальности, которая со времен модернизации поддерживается на территории каждой страны институтами национального государства.

Экономический и социальный разрыв между группой крупнейших городов и остальным миром говорит в пользу того, что глобализация не привела к ожидавшемуся формированию «мирового общества» или возникновению «всемирной социальности», а породила лишь анклавности глобальности. Находясь в таких суперурбанизированных центрах, как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Лондон, Париж, Токио, Гонконг, Шанхай, Москва, Стамбул, Сеул, и других мегаполисах, связанных трансграничными материальными, символическими, людскими потоками, можно получить опыт в полной мере глобальной жизни, т. е. не связанной границами, мобильной и мультикультуральной. Таким образом, после глобальных, т. е. всеохватывающих трансформаций, происходит не ожидавшееся теоретиками и политиками планетарное распространение институтов современного общества, а локализованное замещение привычных для современности структур интенсивными потоками. Это и есть постглобализация как переход от глобализации к ее противоречивым последствиям.

Парадоксальным образом термин «глобальное» теперь означает не нечто планетарное, а нечто локальное, но со свойствами глобальности. Глобальность локализована в суперурбанизированных анклавах, так что предмет изучения так называемой глобальной социологии – это не тотальность обществ и отношений между ними, а сети (г)локальностей, конституируемых транснациональными/транслокальными потоками. Глобализация, обещавшая структурную гомогенность и культурную унификацию, осталась в прошлом. Постглобализация проявляет себя в росте и автономизации суперурбанизированных анклавов глобальности. Популярное в социологическом и экономическом дискурсах различие «ядра» и «периферии» мирового социально-экономического порядка приобретает теперь совершенно иной смысл. «Ядро» становится распределенным, рассеянным в сетях, образуемых двумя-тремя сотнями космополитичных суперурбанизированных анклавов глобальности. И основные перспективы социального развития, как и основные социальные проблемы, определяются теперь процессами в этих очагах, или эпицентрах, постглобализации.

Вызов постглобализации привычным моделям социального развития, связанным с институтами индустриального общества и национального государства, определяется не только концентрацией богатства, власти и культурного доминирования в суперурбанизированных анклавах глобальности. В сравнении со странами, к которым они принадлежат, в крупнейших городах выше уровень экономического развития и в то же время выше уровень неравенства.

Сочетание относительно высоких уровней как экономического развития, так и социального неравенства указывает на то, что в анклавах глобаль-

ности неравенство представлено в двух его современных формах: исключенность и неодинаковая включенность. Жители малых городов и деревень автоматически лишаются доступа ко многим социальным благам, поскольку исключены из тех социальных процессов и структур, которые образуются потоками ресурсов, циркулирующими внутри сетей крупных городов и мегагородов. Однако большинство жителей суперурбанизированных анклавов, вовлеченных в такие потоки, оказывается в условиях еще более и изощренного неравенства, так как социальная включенность для них означает участие в качестве дискриминируемых в новейших формах (сетевые и потоковые структуры) неравенства постиндустриального капитализма.

Люди мигрируют в крупные города и мегагорода в стремлении получить шанс повысить уровень и качество своей жизни. Но в суперурбанизированных анклавах они попадают не в двумерное социальное пространство, где благополучие измеряется как *уровень жизни* (уровень дохода или объем потребления в калориях, килограммах, штуках и т. п.) и как *качество жизни* (доступность социальных сервисов – образования и здравоохранения – и комфортной социальной среды, экологичной и безопасной), а в трехмерное, где формируется еще одно измерение социального развития и благополучия – *наполненность жизни*. Если уровень и качество жизни связаны с эффективной встроенностью в социальные институты и интеракции, то наполненность жизни достигается активной вовлеченностью и лидерством в сетевых и потоковых структурах, что открывает доступ к высокотехнологичным и имиджевым благам, к насыщенному социокультурному опыту и мобильности. Наполненность жизни измеряется насыщенностью личного опыта, участием в потребительских и социокультурных трендах, креативностью и мобильностью деятельности, а в общем – интенсивностью потоков, структурирующих текущее существование современного человека – *homo super-urbanus*.

Разрыв в уровне, качестве и наполненности жизни между суперурбанизированными анклавами и остальными территориями и сообществами кардинально меняет динамику социального развития по обе стороны этого разрыва. Возникают два типа социальности, две разные современности.

Мегаполисы, притягивающие ресурсы всех видов, а главное – человеческие ресурсы, и генерирующие новые социальные структуры – сетевые и потоковые, становятся центрами создания и распространения новой социальности. Социальная жизнь в точках доступа к транснациональным сетям и потокам материальных, символических, человеческих и технологических ресурсов превращается в насыщенное киберфизическим опытом существование в режиме дополненной реальности (*augmented reality*).

Метафора дополненной реальности становится эффективным аналитическим инструментом, поскольку социальные изменения последних 10–15 лет ведут к сдвигу от виртуализации социальной жизни к тенденциям поствиртуализации. Виртуализация – это замещение реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями. Социальная жизнь с конца XX в. оказалась погружена в виртуальные реальности, создаваемые брендингом, имиджмейкингом, коммуникациями через традиционные и новые цифровые медиа. Образы и коммуникации зачастую оказываются более эффективными в бизнесе, политике, создании социальных общностей и движений, чем господствовавшие в обществе современного типа социальные институты и интеракции. Виртуализация общества приводит к превращению сетевых структур в доминирующие социальные структуры.

Контраст между возникшей виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим в последние десятилетия, однако сейчас, в XXI в., виртуальная реальность образов и коммуникаций перестает быть социальной экзотикой и становится рутинной и обыденностью. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью все чаще становится физическое присутствие, непосредственный опыт, тактильность, «аналоговость» в противовес «цифре». В крупных городах бизнесмены и активисты альтернативных движений все чаще создают пространства, функция которых – быть точкой доступа к реальности (креативные пространства, лофты, коворкинги, антикафе, котокафе и т. д.).

Новые тренды в потреблении и стиле жизни демонстрируют, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Эти тенденции представляют собой поворот к поствиртуализации: после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности [9; 10], и не вытесняется, но становится более интенсивной и принимает формы, которые можно охарактеризовать как дополненную современность (*augmented modernity*).

Устремляясь в мегаполисы, чтобы попасть в точки доступа к ресурсам, а внутри мегаполисов стремясь в точки доступа к реальности, люди из различных условий множественных современностей (*multiple modernities*) попадают в дополненную современность. Насыщенная, интенсивная и турбулентная социальность в крупных городах и мега-

городах все больше контрастирует с социальной жизнью в малых городах и в сельской местности, которые теряют ресурсы, в первую очередь человеческие, которые «вымываются» потоками, идущими в направлении суперурбанизированных анклавов дополненной современности. За пределами мегаполисов упадок характерных для развитого индустриального общества институтов так называемого социального государства (*welfare state*), демонтированных в ходе неолиберальных реформ, и уменьшение числа и разнообразия интеракций, вызванное оттоком наиболее социально активного населения, приводит к «истощению» социальности. Результатом глобализации, по мысли ведущих теоретиков [14; 15], должно было стать повсеместное распространение и умножение форм социальности, порожденных модернизацией, и возникновение глобальной современности (*global modernity*). Однако сейчас, в ситуации постглобализации, можно наблюдать скорее локализованное возникновение более интенсивной социальной жизни в режиме дополненной современности (*augmented modernity*), тогда как за пределами суперурбанизированных анклавов в такой дополненной современности господствует тенденция упадка социальных структур и перехода социальной жизни в режим истощенной современности (*exhausted modernity*).

Поскольку в условиях постглобализации «ядро» социально-экономического развития рассеяно в сетях анклавов дополненной современности, перспективы социального развития обществ, традиционно структурированных и контролируемых национальными государствами, зависят от числа, размеров и влияния космополитичных очагов суперурбанизации, которые притягивают и генерируют потоки ресурсов. Анклавы глобальности / дополненной современности создают для национально-государственных бюрократий множество проблем и неудобств, поскольку сетевые и потоковые структуры пронизывают национальные границы, ускользают из-под контроля и становятся конкурентами для привычно управляемых институтов. Но перспективные решения возникающих проблем, в том числе проблем повышения экологической нагрузки и истощения социальности вокруг суперурбанизированных анклавов, также генерируются в основном в них самих. Поэтому национальные государства зависят в решении проблем социального развития от транснациональных структур и их космополитичных узлов.

Поскольку новые социальные структуры и, следовательно, потенциал развития создаются в основном в крупных городах и мегагородах, их числом и долей в национальном ВВП и в населении страны определяются перспективы создания дополненной социальной реальности как новой (после модернизации, глобализации и виртуализации) формы создания тех социальных структур, в которых реа-

лизуются новые цели и решаются новые проблемы социального развития.

Существующие и принятые экспертами способы оценки уровня социального развития, например, показатели, включенные в Индекс человеческого развития ООН (ВВП на душу населения, продолжительность жизни, продолжительность образования), сейчас соответствуют моделям, реализующим социологические представления прошлого и позапрошлого столетий. Уровень и качество жизни, измеряемые в средних величинах, предполагают существование в условиях массового общества, когда все живут, потребляют, учатся и лечатся примерно одинаково. Это и есть основное содержание человеческой жизни и организующих ее социальных процессов.

Предлагаемые альтернативные методики, например «индекс счастья» (Фонд новой экономики) или «индикаторы социального развития» (Международный институт социальных исследований), ориентированы на учет новых измерений социального развития – экологического, гендерного равенства, гражданского активизма и т. п. Однако эти альтернативные методики не принимают в расчет уже произошедшие и продолжающиеся изменения социальной реальности. Во-первых, в результате социальных изменений нарастает статусная и культурная дифференциация, исчезает средний слой как социокультурно однородное большинство [11], легитимизировавшее измерение уровня и качества жизни с помощью средних значений. Во-вторых, социальность теперь представлена в конфигурации разных структур, выступающих в качестве различных форм координации, и эти формы существенно различаются по степени традиционно понимаемой социальности. На фоне абсолютной/тотальной социальности институтов, частной и ситуативной социальности интеракций, социальность сетевых структур предстает относительной, а социальность потоковых структур – альтернативной [12]. Новые перспективы социального развития сейчас связаны с развитием новых и альтернативных социальных структур – сетевых и потоковых. Именно они позволяют выработать новую парадигму социального развития для XXI в.

В настоящее время можно выделить три парадигмальные модели социального развития – две традиционно доминирующие и одну перспективную:

1) *уровень жизни*, достигаемый через максимизацию производства и потребления и вычисляемый в таких индексах, как ВВП на душу населения;

2) *качество жизни*, достигаемое в соединении объема потребления, доступности социальных сервисов (здравоохранения, образования и т. п.), комфортности среды (природной и социальной) и вычисляемое в таких индексах, как Индекс человеческого развития ООН;

3) *наполненность жизни*, достигаемая соединением качества жизни и включенности, мобильности, креативности в сетях и потоках современного общества.

Для оценки наполненности жизни требуются новые индексы, отражающие специфику общества сетей и потоков. Поскольку сетевые и потоковые структуры концентрируются и генерируются по большей части в мегаполисах, инструментом предварительной и весьма приблизительной оценки перспектив социального развития различных стран в условиях постглобализации может стать индекс суперурбанизации, дополняющий традиционные индексы уровня и качества жизни. К этим индикаторам развития нужно добавить показатели наполненности жизни с использованием данных о мобильности населения, информационных потоках и сетевой активности пользователей интернета в суперурбанизированных центрах дополненной современности и в зонах истощенной современности.

Создание полноценных индексов, учитывающих как уже традиционные показатели уровня и качества жизни, так и новые показатели ее наполненности, требует длительной разработки. Первым шагом в такой разработке может быть предлагаемый здесь индекс суперурбанизации, являющийся инструментом приблизительной оценки перспектив социального развития различных стран в условиях постглобализации. Поскольку новые социальные структуры и, следовательно, потенциал развития создаются в основном в крупных городах и мегагородах, их число и долей в национальном ВВП и в населении страны определяют перспективы создания дополненной социальной реальности. Индекс суперурбанизации (ISU) вычисляется по следующей формуле:

$$ISU = (N_{su2030} / P_{2030}) \cdot S_{GDP2014} \cdot S_{P2014},$$

где N_{su2030} – ожидаемое к 2030 г. число крупных городов с населением от 5 до 10 млн человек и мегагородов с населением свыше 10 млн; P_{2030} – ожидаемая к 2030 г. общая численность населения страны; $S_{GDP2014}$ – текущая доля крупных городов и мегагородов в национальном ВВП (по данным на 2014 г.); S_{P2014} – текущая доля крупных городов и мегагородов в численности населения страны (по данным на 2014 г.).

Для нормализации показателей по разным странам использована стандартная форма индекса. Для n -й страны индекс рассчитывается как

$$I_n = (ISU_n - ISU_{min}) / (ISU_{max} - ISU_{min}),$$

где ISU_n – абсолютная величина индекса суперурбанизации для n -й страны; ISU_{min} – наименьшее абсолютное значение индекса среди стран в выборочной совокупности; ISU_{max} – наибольшее абсолютное значение индекса.

Предлагаемый индекс был протестирован на выборке, включающей наиболее развитые страны мира, входящие в группу G20, а также Сингапур, отобранный как предположительно самый социально-экономически

развитый суперурбанизированный анклав глобальности (см. таблицу). Данные для расчета индекса были взяты из докладов ООН [13] и из документов национальных статистических бюро (агентств).

Индекс суперурбанизации для 20 наиболее развитых стран

Index of super-urbanization for the 20 most developed countries

Страна	Значение индекса	Ранг
Сингапур	1,00	1
Австралия	0,55	2
Южная Корея	0,28	3
Турция	0,25	4
США	0,22	5
ЮАР	0,21	6
Япония	0,20	7
Саудовская Аравия	0,19	8
Мексика	0,18	9
Россия	0,17	10
Канада	0,17	11
Франция	0,16	12
Китай	0,15	13
Бразилия	0,14	14
Аргентина	0,14	15
Великобритания	0,12	16
Индия	0,05	17
Индонезия	0,03	18
Германия	0,00	19
Италия	0,00	20

Примечание. Составлено автором на основе собственных расчетов.

Анализ полученного рейтинга стран показывает, что старые лидеры модернизации (Западная Европа и США) и считающиеся с недавних пор будущими лидерами следующей модернизации страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) в действительности имеют средний потенциал развития в условиях постглобализации. Связанные с ними ожидания останутся в прошлом, поскольку ресурсы и структуры, определявшие характер социального развития в прошлые десятилетия и столетия, больше не являются ключевыми для формирования общества сетей и потоков, общества дополненной реальности. Страны БРИКС, находясь в рейтинге ниже многих стран, включая США, Южную Корею, Австралию и Сингапур, который имеет наивысший показатель индекса суперурбанизации, будучи

фактически городом-государством и образцовым примером социального развития на платформе суперурбанизированного анклава глобальности / дополненной современности. Сингапур и отчасти Австралия и Южная Корея могут рассматриваться в качестве стран, задающих образцы социального развития, более других соответствующие условиям постглобализации.

То, что потенциал социального развития теперь распределен по миру не так, как было в период модернизации и первоначальной глобализации в неолиберальном ключе, заставляет переосмыслить как роль национально-государственных институтов, так и роль возникающих транснациональных и транслокальных сетевых и потоковых структур, создаваемых в суперурбанизированных анклавах дополненной современности.

Библиографические ссылки

1. Wallerstein I. *World-system analysis: an introduction*. Durham: Duke University Press; 2004. 128 p.
2. Arrighi G. Global capitalism and the persistence of the North-South divide. *Science & Society*. 2001;65(4):469–476.
3. Sassen S. The global city: introducing a concept. *Brown Journal of World Affairs*. 2005;11(2):27–43.
4. Khanna P. *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York: Random House; 2016. 496 p.
5. United Nations. *World urbanization prospects*. New York: UN DESA; 2014.
6. Istrate E, Nadeau CA. *The brookings institution. Global metro monitor 2012: slowdown, recovery, and interdependence*. Washington: Metropolitan Policy Program at Brookings; 2012. 50 p.
7. Bouchet M, Liu S, Parilla J, Kabbani N. *The brookings institution. Global metro monitor 2018*. Washington: Metropolitan Policy Program at Brookings; 2018. 46 p.
8. Dobbs R, Smit S, Remes J, Manyika J, Roxburgh Ch, Restrepo A. *Urban world: mapping the economic power of cities*. [S. l.]: McKinsey Global Institute; 2011. 62 p.
9. Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1994. 164 p.
10. Lyotard, J.-F. *The postmodern condition: a report on knowledge*. Bennington G, Massumi B, translators. Manchester: Manchester University Press; 1984. 144 p.
11. Иванов ДВ. Новые конфигурации неравенства и потоковые структуры глэм-капитализма. *Социологические исследования*. 2016;6:13–23.
12. Иванов ДВ. К теории потоковых структур. *Социологические исследования*. 2012;4:8–16.
13. United Nations. *Urbanization and development: emerging futures. World cities report 2016*. Nairobi: UN-Habitat; 2016.
14. Giddens A. *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press; 1990. 188 p.
15. Robertson R. *Globalization: social theory and global culture*. London: SAGE Publications; 1992. 211 p.

References

1. Wallerstein I. *World-system analysis: an introduction*. Durham: Duke University Press; 2004. 128 p.
2. Arrighi G. Global capitalism and the persistence of the North-South divide. *Science & Society*. 2001;65(4):469–476.
3. Sassen S. The global city: introducing a concept. *Brown Journal of World Affairs*. 2005;11(2):27–43.
4. Khanna P. *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York: Random House; 2016. 496 p.
5. United Nations. *World urbanization prospects*. New York: UN DESA; 2014.
6. Istrate E, Nadeau CA. *The brookings institution. Global metro monitor 2012: slowdown, recovery, and interdependence*. Washington: Metropolitan Policy Program at Brookings; 2012. 50 p.
7. Bouchet M, Liu S, Parilla J, Kabbani N. *The brookings institution. Global metro monitor 2018*. Washington: Metropolitan Policy Program at Brookings; 2018. 46 p.
8. Dobbs R, Smit S, Remes J, Manyika J, Roxburgh Ch, Restrepo A. *Urban world: mapping the economic power of cities*. [S. l.]: McKinsey Global Institute; 2011. 62 p.
9. Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1994. 164 p.
10. Lyotard, J.-F. *The postmodern condition: a report on knowledge*. Bennington G, Massumi B, translators. Manchester: Manchester University Press; 1984. 144 p.
11. Ivanov DV. New configurations of inequality and flow structures of glam-capitalism. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;6:13–23. Russian.
12. Ivanov DV. To the theory of flow structures. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2012;4:8–16. Russian.
13. United Nations. *Urbanization and development: emerging futures. World cities report 2016*. Nairobi: UN-Habitat; 2016.
14. Giddens A. *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press; 1990. 188 p.
15. Robertson R. *Globalization: social theory and global culture*. London: SAGE Publications; 1992. 211 p.

Статья поступила в редколлегию 16.10.2019.
Received by editorial board 16.10.2019.